

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ: ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ И МНИМОЕ

В статье обсуждается содержание многосоставного исторического понятия «культурное наследие». Культурное наследие рассматривается в теоретическом плане как архитектоника разных смысловых слоев: актуального, потенциального, «снятого» наследия и «архива» наследия.

Ключевые слова: культурное наследие, актуальное наследие, потенциальное наследие, «снятое» наследие, «архив» наследия, глубина культурного наследия.

Культурное наследие в каждую историческую эпоху существует как архитектоника четырех (как минимум) смысловых слоев (сверху вниз): актуального, потенциального, «снятого» наследия и «архива наследия»¹.

Актуальное наследие находится на поверхности реальной культуры и постоянно востребовано современниками (их большинством); *потенциальное наследие* располагается в глубине культурной памяти и «всплывает» на поверхность, когда обращение к актуальному культурному наследию оказывается недостаточным. Потенциальное наследие представляет собой глубинные структуры культуры и может быть названо культурным «подсознанием» эпохи. *Снятое* наследие целиком принадлежит прошлому, являясь, с точки зрения современности, явным анахронизмом; оно, как правило, становится предметом специального (например, научного или философского) изучения; реже – художественной стилизации (в «Докторе Живаго» Б. Пастернака, «Поэме без героя» А. Ахматовой, «Дне опричника» В. Сорокина и др.) как знаки прошедшего времени. Наконец, на самом «дне» культурной памяти находится

архив наследия, практически не востребованный, непонятый, забытый, нуждающийся в научной реконструкции и переосмыслении (таковы, к примеру, все тексты древнерусской культуры, включая даже самый известный, – «Слово о полку Игореве»).

Однако наряду с этими четырьмя слоями культурного наследия, смысловая определенность которых убывает по мере удаления от современности, есть еще и пятый, «невидимый» и как бы несуществующий, «нулевой» слой смыслов и культурных значений, впрочем, нередко выступающий на передний план восприятия и оценки. Это – «мнимое наследие», располагающееся в культуре как бы «по ту сторону» от наследия действительного, в другой смысловой плоскости по сравнению с действительностью (гипотетической, неверифицируемой).

Каждый, кто помнит книгу о. П. Флоренского «Мнимости в геометрии»², понимает, что мнимые явления можно обнаружить не только в математике, а обсуждение проблем мнимости в различных сферах ведет к углублению представлений о реальности, особенно реальности противоречивой, многослойной, текучей, трудно и неоднозначно рефлекслируемой. П.А. Флоренский связывал мнимости с истолкованием функций переменных, в том числе приводящим к утверждениям, лежащим «вне возможности проверки»³.

Особую актуальность сегодня приобретает осмысление *мнимостей в культуре*, поскольку различение действительных и мнимых культурных ценностей в современном мире и культурном наследии особенно сложно⁴.

Мнимости в культуре возможны различного порядка. Прежде всего культурными мнимостями следует считать никогда не существовавшие артефакты культуры. Например, никогда не существовала «Велесова книга» как памятник древнерусской языческой словесности VI–VIII вв. Точно так же никогда не происходили события, реконструируемые с помощью «Новой хронологии» А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского. Не существует 26-й симфонии Малера (розыгрыш Г.Н. Рождественского), романов Достоевского «Атеист» и «Дети» (неосуществленные замыслы писателя), второго тома «Мертвых душ» Гоголя (сожженный автором), «Хазарского словаря» как исторического документа или научного труда (известного только как роман М. Павича). Это – мнимости, так сказать, *онтологические*.

Подобные (но не тождественные) мнимости часто возникают в проблемном поле культуры в результате некритического отношения к источникам и антиисторизма исследователя, приписывающего деятелю культуры участие в событиях, к которым он

не имел и не мог иметь никакого отношения (пространственно, хронологически, по жизненным обстоятельствам, идейно и т. п.); знание информации, которым он не обладал; убеждения, которых у него не было, т. е. изымающего его из его культурно-исторического контекста и помещающего в иной, ему чуждый.

Так, было бы ошибкой видеть Пушкина провозвестником «Великого Октября» на том основании, что он написал: «Октябрь уж наступил...» и «на обломках самовластья напишут наши имена», а Л. Толстого – упрекать в незнании основ марксизма и невнимательном прочтении ленинской статьи «Лев Толстой как зеркало революции», из которой писатель не почерпнул никаких уроков для себя и своего творчества. Эти мнимости культуры можно назвать *гносеологическими*, связанными с аберрацией исторического взгляда.

Третьего рода мнимости в культуре имеют место в процессе творчества. Создание *инновативных* ценностей и смыслов – непривычных, выламывающихся из принятой парадигмы как содержательно, так и формально, вольно или невольно ставит эти смыслы и ценности в ряд не столько актуальных значений культуры, сколько потенциальных, невольно обрекая самые новые и новаторские произведения на почти неизбежное непризнание, подчас резкое и длительное. К сожалению, лишь время истории культуры, притом довольно продолжительное, может подтвердить или опровергнуть статус мнимости или действительности этих смысло-ценностей культуры.

В. Хлебников и О. Мандельштам, С. Прокофьев и А. Шнитке, В. Кандинский и П. Филонов, Вс. Мейерхольд и А. Тарковский, как и многие другие новаторы долго ждали своего места в русском и мировом искусстве XX века. Можно привести массу примеров подобной недооценки инноваций и в других областях культуры – науке, технике, философии. Мнимости в культуре, связанные с резким ценностно-смысловым «опережением» творца своих реципиентов, можно назвать *эвристическими*. Парадоксы художественного новаторства объясняются тем, что создаваемые инновативные ценности изначально принадлежат не к актуальному, а к потенциальному уровню наследия и лишь в процессе последующей адаптации, нередко весьма длительной, постепенно актуализируются и отчасти входят в состав актуального наследия.

Четвертый тип мнимостей в культуре, напротив, связан не с проблемой новаторства, а с проблемой *эпигонства*. Сколько ценностей культуры, поначалу представлявшихся яркими и значительными, впоследствии оказались ничтожными, подражательными,

вторичными, пустыми... Тем чаще творцы подобных произведений старались всеми силами добиться успеха и признания, не пренебрегая при этом самыми низкими и примитивными, но эффектными и результативными средствами.

Триумф у публики современников Пушкина – В. Бенедиктова, Ф. Булгарина, Н. Кукольника, А. Марлинского, М. Загоскина, О. Сенковского и других – до сих пор необъясним, но «мнимость» их творчества сегодня не вызывает сомнений, несмотря на былую популярность. Балетная музыка Л. Минкуса, которого П. Чайковский, его современник, называл «площадным музыкантом», пользовалась гораздо большей популярностью, чем самого Чайковского, да и сейчас «Дон-Кихот» как балет многими предпочитается «Лебединому озеру». Стихи Э. Асадова до сих пор переиздаются огромными тиражами под рубрикой «Великие поэты» – рядом с А. Блоком, А. Ахматовой, С. Есениным, М. Цветаевой, В. Маяковским...

Парадоксальную популярность эпигонского искусства можно объяснить тем, что в нем ценности «снятого» наследства (общеизвестные, испытанные, традиционные) представляются как вечные, а вместе с тем и всегда актуальные. Узнаваемые формулы, образы, сюжеты, мотивы, находящиеся на поверхности восприятия, не требуют погружения в исторический контекст культурного наследия, создавая иллюзию ясности и простоты.

Современная массовая культура буквально переполнена *эпигонскими* мнимостями во всех видах творчества, жанрах и стилях. Недолговечность их популярности, хрупкость успеха и противоречивость оценок в общественном мнении – характерный симптом мнимости этих явлений. Даже лучшие произведения и авторы популярной культуры подтверждают, что критерии новаторства неприменимы к ним. Поэтому такие композиторы, как Т. Хренников, В. Соловьев-Седой, Н. Богословский, А. Островский, А. Пахмутова, А. Бабаджанян, А. Зацепин, Д. Тухманов известны исключительно благодаря своим популярным песням, а не своим «большим» и «серьезным» опусам.

Одной из важных причин широкого распространения мнимых произведений литературы и искусства является принципиальное неразличение огромным большинством реципиентов современной культуры *художественности* и *информативности*, а вместе с тем и искусства и документа, с одной стороны, искусства и его суррогата, китча – с другой. Эстетическое содержание текстов культуры незаметно замещается то сенсационностью, то спекулятивной актуальностью, то модой, то популярностью, то нормативностью. Исключения из этих правил редки («Блокадная книга» А. Адамовича и

Д. Гранина⁵, документальные повести С. Алексиевич, удостоенной в 2015 г. Нобелевской премии по литературе).

Пятый тип мнимостей относится к числу *спекулятивных*. Все разновидности рекламы и саморекламы, того, что сегодня называется PR, порождают эффект искусственного раздувания ценности, смысла и значения тех или иных культурных явлений, которые в результате кажутся крупнее и значительнее, нежели являются фактически. Цели манипуляций с общественным сознанием и потенциальной аудиторией могут быть различными; чаще всего манипуляторами преследуются цели достижения успеха – прежде всего коммерческого («раскрутка» товаров и «звезд», рейтинг популярности, получение прибыли, опережение конкурентов и т. п.), далее – агитационно-пропагандистского (социальный, политический и др. имидж), психологического (личностное самоутверждение), продвижение и утверждение тех или иных теорий и концепций (нередко тенденциозных, а подчас и лженаучных).

В любом случае мнимая ценность того или иного спекулятивного явления культуры предопределяется целенаправленным применением соответствующих манипулятивных технологий, а не свойствами самих явлений культуры, вокруг которых совершаются манипуляции. Речь идет о том, что любая культурная ценность может быть создана лишь благодаря умелому применению соответствующего инструментария и оптимальных технологий, а ее реальное содержание (например, культурно-историческое значение) не играет никакой роли в этом процессе.

Парадоксальность культурного наследия состоит в том, что названные пять типов мнимостей представляют собой единое пространство и постоянно пересекаются между собой, являясь взаимодополнительными факторами. Так, онтологические мнимости нередко сочетаются с гносеологическими, эвристические мнимости в своем противостоянии мнимостям эпигонским постоянно вступают с ними в диалог, передвигая акцент то в одну сторону, то в противоположную. Мнимости спекулятивные, как «шлейф», сопровождают все четыре предшествующих типа мнимостей культуры, то усиливая, то ослабляя ценность каждой из них, создавая вокруг них особый ценностно-смысловой «ореол». Более того, и вообще мнимости культуры, как правило, существуют как своеобразный интерпретативный «ореол» вокруг действительных ценностей культуры, постоянно сопровождая последние.

В процессе сохранения культурного наследия постоянно встает вопрос о том, что в наследии является действительным и мнимым; каковы критерии и принципы их различения и отделения одного от

другого; «от какого наследства мы отказываемся» и почему; что в наследии нужно охранять и спасать, а что – критиковать, изменять и уничтожать (например, в процессе выбора между руинированным оригиналом архитектурного памятника и «новоделом»; между научным открытием и журналистской сенсацией, между шлягером и музыкальным шедевром и т. д.).

Разные страны и сообщества, различные исторические эпохи и культурно-политические силы по-разному отвечали и отвечают на эти вопросы, и поэтому деятельность по сохранению или присвоению наследия то и дело превращается в острую борьбу *за* и *против* культуры, понимаемой тем или иным образом. Представители разных поколений, идейных и художественных течений по-своему различают действительные и мнимые ценности культуры, а объективные и субъективные критерии их выявления, анализа и оценки то и дело меняются, объединяются, переплетаются, путаются, вступают в *конфликт интерпретаций*⁶.

Культура всегда многослойна, многозначна, и составляющие ее пласты очень противоречиво и конфликтно соседствуют друг с другом. То и дело возникающие смысловые оппозиции приводят к поляризации культуры одновременно в нескольких измерениях (наука и религия, наука и искусство, философия и обыденное знание, экология и экономика и т. п.). Один и тот же артефакт культуры нередко принадлежит сразу разным культурным пластам, и в одном отношении является положительным, а в другом – отрицательным. Это означает, что разрушительные процессы проникают в микроструктуры культуры. Например, эстетически-положительное одновременно может являться нравственно-отрицательным; коммерчески-позитивное может нести в себе эстетически-негативное; явление религиозной культуры может иметь самодовлеющее эстетическое или коммерческое содержание, и т. д.

Подобное смысловое «расщепление» значимых культурных артефактов, свидетельствующее о кризисных состояниях общества и культуры (подчас – о «расщеплении» самого «ядра» национальной культуры), неизбежно приводит к образованию мнимых явлений культуры или мнимых значений действительных явлений культуры. Границы между действительным и мнимым культурным наследием размываются, а проблема отделения действительного культурного наследия от мнимого обостряется.

Особенно много проблем возникает сегодня со статусом научных ценностей. Если в советское время главной причиной возникновения рядом с действительно научными ценностями мнимых (псевдонаучных или антинаучных) ценностей и даже превращения

подлинно научных идей в «лженаучные», а псевдонаучных – в «единственно верные» являлась политическая идеология, навязывавшая свою интерпретацию действительности/мнимости той или иной науке (биологии, политэкономии, химии, языкознанию и даже физике и математике)⁷, то в постсоветское время на признание научных открытий действительными или мнимыми может повлиять экономика (лоббирование коммерчески прибыльных проектов, реклама), журналистская сенсационность, например, разоблачения и скандалы), религия (если научные факты или открытия противоречат церковной догматике), а в сфере политики – провластная политическая конъюнктура, манипулирующая общественным мнением, и правящая бюрократия, управляющая наукой и искусством в корыстных или конъюнктурных интересах.

В этом случае наука и ее достижения вольно или невольно меняют свой культурный статус и ценность, превращаясь в пропагандистские клише того или иного толка, в средства экономической или политической прагматики, инструменты социального давления. Возникающая в переходные культурно-исторические эпохи *смысловая неопределенность* порождает соответствующие мнимости, порожденные «сшибкой» различных подходов и принципов, взаимоисключающих оценок позитивных и негативных, высказываемых одновременно. В результате в одном ценностно-смысловом поле культурного наследия могут, например, оказаться, с одной стороны, недавние эталоны советской социалистической культуры, внезапно утратившие свою авторитетность (к примеру, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Поднятая целина» М. Шолохова, «Молодая гвардия» А. Фадеева, стихи Д. Бедного, В. Маяковского и т. п.), с другой – явления, лишь недавно вошедшие в культурный обиход и еще не завоевавшие массового признания (скажем, произведения М. Булгакова, А. Платонова, Б. Пастернака, О. Мандельштама, М. Цветаевой, В. Набокова, И. Бродского и др.), а с третьей – феномены масскульта, подчас обладающие сомнительной ценностью. Взаимно неопределенные ценности, переплетенные друг с другом, оказываются, таким образом, вне иерархии, а объем и «глубина» культурного наследия – в принципе неопределимыми.

Лишенные своего социокультурного статуса, эти явления, несмотря на свою общественную или культурную (нравственно-эстетическую и философскую) значительность и художественную ценность и во многом благодаря своей полярности, приобретают в массовом общественном мнении «мерцающий», «смутный» характер, т. е. становятся *контекстуальными мнимостями*, даже *симулякрами*⁸.

Всякая ценностно-смысловая напряженность подобного рода порождает мнимости культуры. Существует множество механизмов и информационных каналов, поддерживающих или дезавуирующих различными, нередко весьма изощренными средствами мнимости культуры, способствующих переводу мнимых ценностей в действительные и наоборот. Важное место в истории каждой национальной и мировой культуры в целом является борьба между действительными и мнимыми явлениями культурно-исторического наследия, в зависимости от исторических и политических условий волнообразно то усиливающаяся и возрастающая, то угасающая и затухающая.

Однако углубленное исследование этих процессов – серьезная и трудная задача последующих культурологических изысканий.

Примечания

- ¹ См. также: *Кондаков И.В.* Культурное наследие в России: проектирование памяти // Мир культуры и культурология: Альманах научно-образовательного культурологического общества России. Вып. III. СПб.: Изд-во РХГА, 2013. С. 89–110; *Он же.* Архитектоника культурного наследия // Культурогенез и культурное наследие. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. С. 533–544.
- ² *Флоренский П.* Мнимости в геометрии. Расширение области двумерных образов геометрии (Опыт нового истолкования мнимостей). М.: Лазурь, 1991.
- ³ Там же. С. 10.
- ⁴ Впервые об этом: *Кондаков И.В.* Мнимости в культуре (К постановке проблемы) // Изучение и сохранение культурного наследия: Первая междунар. науч.-практ. конф. по культурологии: Сб. науч. ст. и докладов. Н. Новгород: ННГАСУ, 2010. С. 5–8.
- ⁵ Ср. первое полное издание: *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. СПб.: Лениздат, 2013.
- ⁶ См. подробнее: *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Academia-Центр: Медиум, 1995.
- ⁷ См., например: Идеология и наука (дискуссии советских ученых середины XX века) / Отв. ред. А.А. Касьян. М.: Прогресс-Традиция, 2008; *Шноль С.Э.* Герои и злодеи российской науки. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997.
- ⁸ См. об этом подробнее: *Великанов А.Г.* Симулякр ли я дрожащий или право имею. М.: НЛО, 2007; *Кондаков И.В.* Вместо Пушкина. Незавершенный проект: Этюды о русском постмодернизме. М.: МБА, 2011; *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. М.: Рипол-Классика, 2015; и др.